
В плену осажденного замка, или Апология грешной бюрократии

Дом из иллюзий стоит недорого, но едва ли в нем можно жить.

А. Хаумен

Концентрация власти в немногих руках — а лучше в одном кулаке как скипетре державы — дает тотальный контроль над обществом. Не это ли кратчайший путь к осуществлению идеалов? Как же иначе осчастливить отечество? Жертвы? Да. Но ведь они приносятся на алтарь державы! Зато впереди — сияющие вершины. И державная воля — десница освободительной идеи — самый надежный поводьер на дороге времени.

Тоталитарная система власти, опутавшая своими щупальцами всю нашу жизнь, очень долго казалась неприступной крепостью, оберегающей народ от несчастий и излучающей светлое будущее. Оказалась же она кафкианским Замком, подавляющим личность и окунающим ее в пелену безысходности. Держава превратилась в чудовище, пожирающее своих граждан на волне их собственного державного «патриотизма». И вот уже общество — державное Зазеркалье, лихо фехтующее со здоровым смыслом. Элементарные истины объявлены коварным происком изощренных врагов, а абсурдные химеры — предначертаниями истории. Замок пожрал идеалы — и это приговор ему.

Но как одолеть Замок? Сейчас он в нашей осаде, мы расшатываем его, надеясь, что в конце концов он рухнет. Да если и так, в том ли счастье? Ведь все мы накрепко связаны с Замком. Кто-то из нас живет в нем самом, а кто-то — под его сенью. Кто же окажется под обломками, если удастся-таки его развалить?

...Осадив Замок, мы стали его пленниками. Он видится нам каким-то загадочным, монолитным сфинксом. Мы обращаем свой гнев против всех обитателей Замка без разбора, наклеивая на них один общий ярлык — «бюрократия». Но, изображая их однородной и одноликой массой, не утрачиваем ли мы окончательно ту нить, которая могла бы привести к разгадке зловещей тайны Замка?

Ключ к разгадке

— Какое глупое имя, — раздраженно прервал Пустик-Дутик. — А что оно означает?

Л. Кэрролл. Алиса в Зазеркалье

Через семь десятилетий после великой революционной полосы 1917 года народ вдруг словно бы очнулся, огляделся вокруг и увидел, что он не просто лишен власти, но и отгорожен от нее китайской стеной. Обнаружилось, что место его оби-

тания — это совсем не райские кущи, а кафкианская «деревня», расплющенная грозной и величественной тенью Замка — неоглядного чувствилища власти. И жизнь в «деревне» давно воплотила в себе спасительное желанье Ф. Гарсиа Лорки:

Хочу одно измеренье иметь,
подобно крохотным плоским созданиям,
которых в землю втопать не может
равнодушный сапог, что пощады не знает.

Как же иначе? Ведь надо было выжить, и инстинкт самосохранения привел народ в безопасную гавань. Но где та свобода, которая манила его и вроде уже трепетала в руках? Она, как и всякая Синяя птица, не вынесла неволи и вырвалась из рук, оставив в них лишь свой пестрый хвост. Поняв это, народ почувствовал себя обманутым.

Кто же виноват? Ответ как будто очевиден. Это Замок. Он присвоил себе плоды освободительной борьбы, узурпировал власть, надел на народ новое ярмо, которое ту же прежнего стягивает его шею. Именно Замок, мертвой хваткой вцепившись в бразды правления, душит гражданскую жизнь и тормозит обновление общества. И кто, как не он, должен стать мишенью «перестроечных сил»? Надо же вырвать штурвал из его когтистых лап и передать тем, кто выражает волю народа!

Но как это сделать? Тут-то и возникает каверзная дилемма, сбивающая с толку «перестройщиков». Замок можно рассматривать либо как некое архитектурное сооружение, либо как обитающих в нем счастливых — «сильных мира сего». Куда же направить главный удар? Оказывается, как ни поступи, проку не будет. Да к тому же каждый из этих путей хотя бы однажды был уже нами пройден. И ничего не произошло!

В самом деле, первое, что приходит в голову, — это мысль о непригодности обитателей Замка для управления обществом. Они ведь больше пекутся о себе, чем о нуждах народа. И стоит ли удивляться, что они сплошь и рядом злоупотребляют полученной властью? Значит, этих людей нужно прогнать из Замка, а на их место посадить других, заботливых и человечных, способных пожертвовать своим личным и даже сокровенным ради счастья окружающих. Их устами кричала бы растоптанная душа народа, которая наконец-то прорвалась бы к свету...

Сколько раз мы обманывались этим! Сколько раз, меняя одних «жрецов» Замка на других, мы отчаянно надеялись, что уж теперь-то нет ошибки и штурвал вручен достойным! Но проходило какое-то время, и выяснялось, что новоиспеченные «жрецы» успели обрасти всеми пороками, свойственными их предшественникам, да сверх того и кое-какими странностями, которые мы никак не могли предвидеть. И по отношению к этим олицетворениям наших надежд закономерно возникал все тот же вопрос: как от них избавиться?

Похоже, что мы явно недооценивали «силовое поле» Замка. Вопреки нашим ожиданиям, он не только не преображался под воздействием новой «метлы», но и переламывал ее, превращая в свой придаток. С каким бы тайным умыслом ни вступали в Замок наши посланники, они очень скоро становились его правоверными подданными, противостоящими народу. Этот процесс имел такое число повторений, что сегодня наконец наступает прозрение и мало кто делает ставку на кадровое обновление Замка.

Другой план начинается с того, чем кончат предыдущий. Если Замок неизбежно ломает волю и личность своих обитателей и простая замена их — дело бесперспективное, то почему нельзя уничтожить Замок, а вместе с ним и ту колдовскую силу, которая превращает людей в жалких прислужников бездушной власти? Так ведь можно сохранить человеческий облик правителей и избавиться от смертельной опасности, исходящей от Замка.

Однако, разрушив до основания аппарат власти, мы бы сломали хребет обществу. Став аморфным, почти неподвижным, оно бы лишилось обновленческих импульсов. И все, кто, захватив власть, начинает с разрушения ее структур, вдруг обнаруживают, что чем дальше, тем больше она утрачивается. А поняв это, уже не столько думают о каком-то своем эталоне власти, сколько о том, как восстановить хотя

бы то, что было. В конце концов выходит, что, желая наголову разбить машину власти, уничтожают лишь ее внешние атрибуты, оставляя нетронутым самое ядро. И как бы мы его ни рядили в пышные революционные одежды, оно обязательно проглядывает сквозь них, постепенно подминая под себя новых правителей.

Рой чиновников
с недели на день
аннулирует
октябрьский гром и лом,
и у многих
даже
проступают сзади
пуговицы
дофевральские
с орлом

— так писал В. Маяковский, когда повсеместно лопалась хрупкая «советская» оболочка, и старые (не по возрасту или стажу, а по духу) чинуши представляли в истинном свете. Какой там слом аппарата власти! Наоборот, почти прямое заимствование.

Нет, ставка на кавалерийский наскок тоже неприемлема. Он подменяет действительные результаты одной лишь видимостью, да такой цветастой, что затмевает их. Самые ненавистные порядки и пережитки обретают при ней второе дыхание и еще сильнее поработают общество.

Так что же, дилемма неразрешима? Значит, смириться с гнетом Замка? Отказаться от свободы и сдать на милость его обитателей?

Нет, отчего же! Хотя в такой форме дилемма и вправду неразрешима. Она некорректно сформулирована, поскольку отталкивается от самого Замка, но не докапывается до его основ. Между тем именно в них таится ответ на ключевые вопросы: как обеспечивается господство Замка над «деревней»? каковы механизмы осуществления власти? в каких формах она выражается? Если повернуть рассмотрение дилеммы в это русло, то мы естественным образом затронем острейшую проблему фетишизма власти: как снять с нее мистический покров?

Что же это за «сословие» — бюрократия? Если верить общественному мнению, это особая «каста», привилегированный слой людей, захвативших всю полноту власти и манипулирующих обществом в своих корыстных целях. Людей этих народ ненавидит слепо, нерассуждающе, чаще всего не задумываясь, заслуживает ли очередной объект ненависти безусловного причисления к бюрократической «касте». Стало быть, вопрос нужно сформулировать точнее: кто же именно является бюрократом?

Ответ вроде бы прост. Недаром чуть ли не каждый свободно жонглирует словом «бюрократ». Но не обманчива ли эта простота? Отвечая на него, приходится учитывать, что сам этот термин изрядно поистрепался и к нему уже прилипает какое угодно содержание, делая его «безразмерным». Моральный налет, которым он покрывается, деформирует его изначальный смысл. Тем самым понятие «бюрократ» начинает обозначать в нашем обиходе не социально-профессиональный статус, а скорее нравственную характеристику личности.

На вопрос «кто такой бюрократ?» большинство наверняка ответило бы так: это равнодушный, черствый чиновник, засевший в аппарате управления, укрывшийся от народа за непробиваемой бумажной стеной. Такой взгляд был в ходу еще на заре Советской власти.

Вот как отзывается о главном начальнике по управлению согласованием (Главначпупсе) Победоносикове Велосипедкин — один из персонажей пьесы В. Маяковского «Баня»: «Само время засыпало ему глаза табаком мелочей и минут, глаза его слезятся от довольства и благодушия. Что можно увидеть такими глазами? Социализм? Нет, только чернильницу да пресс-папье». А Поля, жена Победоносикова, добавляет: «Он шипит бумажным удавом каждый раз, когда возвращается домой, беременный резолюциями». Хлестко? Очень. Да не совсем про то. Очевидно, оба они — и Поля, и Велосипедкин — приняли Победоносикова за бюрократа или, во всяком случае, смешали прямой и переносный смысл этого термина. И если не уточнить понятия, то неизбежна путаница.

Со словом «бюрократ» произошла та же смысловая аберрация, что и с рядом других — таких, как «сатрап», «буржуй» или «кулак». Исторически накопленное недовольство по отношению к обозначаемым ими объектам стало переноситься на соответствующие понятия. Так они из социологических категорий превратились в моральные клейма. То же относится и к термину «бюрократ». Однако при серьезном подходе к социальным явлениям рассуждать надо на категориальном уровне.

Этимология слова «бюрократ» не особенно сложна. Оно состоит из двух корней — «стол» и «власть». В старину это слово имело точный русский аналог — «столоначальник». Но беда в том, что мало кто уже помнит, что это такое. Если же обратиться к толковым словарям, то в самых толковых из них бюрократ определяется как служащий административного аппарата. Это, конечно, проясняет многое, но остаются все же два вопроса, с которыми еще предстоит разобраться. Во-первых, какова структура административного аппарата? И, во-вторых, какого рода служащим является в нем бюрократ? По сути, это даже не два отдельных вопроса, а две стороны одной и той же проблемы, касающейся места бюрократа в аппарате власти.

Почти каждая современная система власти организована иерархически. На центральном плане в этой системе — фигура руководителя, того, кто ведает перспективой. Его можно назвать «впередсмотрящим», вождем или лидером. Прерогатива руководителя — определение стратегических ориентиров и политики продвижения к ним. Но эти общие цели должны быть «переведены» на язык практических задач. Кроме того, нужна верная тактика их реализации. Наконец, не обойтись без оперативного руководства текущей работой. Все это входит в компетенцию управляющего («управителя») или менеджера.

А разве может существовать административная машина без исполнительских работников? Конечно, нет. Правда, многие из них не являются ее составной частью. Это технические секретари, вахтеры, курьеры и т. д. Их функции носят чисто служебный характер и не имеют прямого отношения к управлению. Но есть и другая категория исполнительских работников (служащих). Они осуществляют информационное обеспечение аппарата власти, связывают руководителей и менеджеров как с жизнью (объектом управления), так и друг с другом. Сами по себе эти люди ничего не решают, хотя и играют роль нервных узлов в информационной сети управленческой системы. Это и есть бюрократия.

Отсюда проясняется и смысл слова «столоначальник». Он имеет власть лишь над столом, но не над человеком. Бюрократ относится к человеку как служебная функция аппарата, но не как самостоятельная воля. Он не может непосредственно влиять на судьбы других людей. Его призвание в том, чтобы быть своеобразным челноком, снующим между иерархическими звеньями и этажами управления. Конечно, он делает это обычно не сам, а с помощью вспомогательного персонала, которого нагружает информацией.

Тем самым развеивается иллюзия о том, что бюрократия исчерпывает все население Замка. Как видно, и без нее в Замке хватает «жрецов» власти. И всех их вместе можно обозначить одним словом — «чиновничество». Причем оказывается, что бюрократия составляет не просто один из трех его слоев, а низший, самый слабый, практически лишенный действительных атрибутов власти.

Не правда ли, в это верится с трудом? Так и тянет сказать, что тут что-то неладно. Ведь если согласиться с тем, что бюрократия занимается исключительно информационным обслуживанием остального чиновничества, то придется признать, что и в самом деле от нее не зависят ни принятие решений, ни характер их реализации. Выходит, она отчуждена от власти ничуть не меньше, чем рядовой гражданин «деревни».

Но как же тогда, будучи своего рода передаточным звеном, снабжающим информационным «сырьем» управленческий «конвейер», бюрократия умудряется держать в руках почти все общество? Как ей удастся тормозить крупные социальные инициативы, обуздывать широкомасштабные гражданские акции? Да возможен ли «подобный работник», властвующий не только над «клиентом», но подчас и над «мастером»?

К сожалению, не просто возможен. Он реально существует. Парадокс? Наверное. Но это не мнимый, надуманный парадокс, а такой, что коренится в самой сути нашей системы власти.

— Не понимаю, что вы подразумеваете под своим путем,— сказала Королева.— Все пути здесь принадлежат мне.

Л. Кэрролл. Алиса в Зазеркалье

Где же черпает свои силы бюрократия? В чем источник ее могущества?

Прежде всего, бюрократ не такое уж беспомощное существо. Труд его и в самом деле носит подсобный характер, но по природе своей весьма необычен. В ее основе лежит информационная деятельность, и именно она создает бюрократу привилегии и делает его причастным к реальной власти.

Бюрократ — это «глаза» и «уши» административной машины, «окно» во внешний мир и «дверь» в пространство другого этажа управления. В тот самый момент, когда он обнаруживает, что информацией можно манипулировать, совершается великое открытие, способное принести пожизненные дивиденды. Бюрократ становится «хозяином» информации. Задавая ей направленность и деформируя ее в зависимости от обстоятельств, он фактически получает доступ к возжеланному процессу принятия решений.

Так что бездушие и черствость бюрократа — в основе своей не следствие изматывающей бумажной жизни, в которой он выступает лишь как послушный исполнитель. Это скорее тонкая форма реализации своих узкокорыстных интересов, прикрываемых скопищем бумаг.

Да и сама bestолковая возня с бумагами не очень характерна для искушенного бюрократа. Она больше присуща обюрократившемуся начальнику типа Победоносикова. А вот что касается настоящего бюрократа — его секретаря Оптимистенко, — то не стоит особо доверять Велосипедкину, когда тот говорит, будто Оптимистенко «гладкий и полированный, как дачный шар. На его зеркальной чистоте только начальство отражается, и то вверх ногами». Как бы не так! Бюрократ умней и изворотливей. С помощью манипуляции информацией он переворачивает управленческие отношения, беря их под свой контроль. И то, что казалось невозможным, если следовать социально-профессиональной иерархии, оказалось вполне доступным при небольшой деформации информационной сети.

Конечно, тут еще далеко до полновластия бюрократии. Но диапазон ее возможностей уже очень широк. И — что еще важнее — у нее иные функции. Она не столько обслуживает руководителей и менеджеров, сколько предопределяет решения, направляя их мысль по заранее подготовленному руслу.

Что же, ничего нельзя поделать с бюрократией? Не отдавать же ей на откуп аппарат власти! Существуют же в конце концов способы проверки и меры контроля. Так, может, с их помощью удастся поубавить бюрократический аппетит? А если к этому подключить и гласность, то бюрократия и вовсе будет загнана в угол, земля будет гореть у нее под ногами. За чем же тогда дело стало?

Так-то оно так, да не совсем. Спору нет, включение этих механизмов способно ограничить бюрократический произвол. Вероятно, они очистят административную машину от самых злостных элементов, ухитрившихся из-за кулис управлять замком, как театром марионеток. Вполне возможно, что страх перед неотвратимым наказанием заставит бюрократию отказаться от явных злоупотреблений и отнестись к делу более добросовестно. Наконец, просвечиваемая насквозь, она будет как на ладони, и общество сможет вовремя одернуть ее зарвавшихся представителей.

Но здесь возникает такой вопрос: кто конкретно должен будет проверять бюрократию? Вряд ли замок уступит это право гражданам «деревни». Да если и уступит, много ли они поймут в хитросплетениях бюрократических игр? Скорее всего, бюрократия обедеет их вокруг пальца и, заставив признать благочинность аппаратной жизни, подтвердит тем самым свое доброе имя.

Напрашивается мысль, что разгадать тайны бюрократии вполне по плечу высокопоставленным чиновникам (руководителям и управляющим), которые, в силу своих знаний и практического опыта, могут оценивать каждый ее шаг. Но и они будут вынуждены при проверке пользоваться услугами своего аппарата, да и вряд ли захотят самостоятельно (исключая ряд особых случаев) вникать в подобные мелочи.

Остается единственное средство — проверку одной части бюрократии возложить на другую ее часть. Что из этого выйдет? Очевидно, мало путного. И дело не только в том, что общий корпоративный интерес имеет обыкновение брать верх

над эфемерными «интересами народа», а тем более над абстрактной идеей справедливости. Проблема гораздо глубже. Как именно должна осуществляться эта проверка? Либо открыто, с предварительным и гласным распределением ролей, либо тайно, без ведома как проверяемых, так и всех остальных, кто в ней участия не принимает. Но, к сожалению, ни тот, ни другой путь не могут дать искомого эффекта.

История богата примерами того, как открытые проверки, поначалу приносившие хоть какие-то зримые результаты, затем вдруг переставали «плодоносить». И что бы с ними ни делали, никаких сдвигов не происходило, пока в корне не изменялась сама их природа. А разгадка тут проста. Административные структуры, подлежащие проверке, быстро адаптировались к предъявляемым требованиям и ловко скрывали от посторонних глаз те свои характеристики, которые могли бросить на них тень, и, наоборот, выставляли напоказ действительные и мнимые достоинства, возвышавшие их в общественном мнении.

Что же касается тайных проверок, то дело тут обстоит поистине мистически. Их механика высвечена в философской сказке Ф. Искандера «Кролики и удавы». Король кроликов заведомо подозревал каждого из Допущенных к своему Столу в искривлении королевской линии. Поэтому он сажал за Стол еще и охранников, которые должны были внимательно наблюдать за разговорами и вскрывать в них семена заговора. Но, так как эти охранники, хотя и сидели за Столом под видом Допущенных, таковыми не являлись, им полагалось не очень налегать на особо ценные продукты. Об этом знали и сами Допущенные к Столу, впрочем, как и о том, что среди них непременно сидят охранники и вслушиваются в каждое слово. Стоит ли удивляться, что Допущенные в оба смотрели по сторонам, пытались «вычислить» охранников по тому, как те едят? А охранники, в свою очередь, чтобы их не разоблачили, вопреки инструкции уплетали все подряд, что вполне соответствовало их личным склонностям. В итоге «за королевским Столом все ели с огромным патриотическим аппетитом». Так и с тайными проверками. Они приводят лишь к тому, что проверяющие полностью сливаются с проверяемыми и даже пробуют их переплюнуть, еще сильнее нарушая предписания закона.

Может быть, тогда создать постоянно действующие органы контроля, которые неусыпно следили бы за правильностью аппаратных действий и их плодотворностью? Но ведь и эти органы будут встроены в архитектуру Замка. А значит, они неизбежно станут частью системы административного произвола. Например, что произойдет, если контрольный орган ошибется (вольного или невольного) или злоупотребит своими полномочиями? Кто это установит, а тем более исправит? Вышестоящая контрольная инстанция или чиновничья «верхушка», которая сама должна быть в зоне контроля?

В романе Ф. Кафки «Замок» на вопрос о том, существует ли отдел контроля, староста — как бы наместник Замка в «деревне» — отвечает: «Да, тут повсюду одни отделы контроля. Правда, они не для того предназначены, чтобы обнаруживать ошибки в грубом смысле этого слова, потому что ошибок тут не бывает, а если и бывают, как в вашем случае, то кто может окончательно сказать, что это — ошибка?» Как может контрольный орган указать на ошибку, восходящую в конечном счете к его собственному начальству? И чем ближе к нему контрольная инстанция, тем быстрее тает вероятность признания этой ошибки. Староста готов подтвердить, что она налицо. Более того, «первые контрольные инстанции, которым мы обязаны тем, что они обнаружили источник ошибки, тоже признали, что ошибка есть. Но кто может ручаться, что и вторая контрольная инстанция будет судить так же, а за ней и третья и все последующие?» Вопрос повисает в воздухе. Несмотря на всю привлекательность идеи контроля, она остается бесплодной, если возвращается в рамках административного аппарата.

Теперь о гласности. Мало кто сомневается в том, что она является обязательным фактором здоровой власти. Нет гласности — и неизбежно вырождение управленческой машины. В сыром тумане официоза она покрывается ржавчиной корпоративных целей. Но вера в то, что гласности достаточно для оздоровления власти, иллюзорна. Можно открыть интерьер Замка, но не сблизить его с «деревней».

Гласность, дарованная Замком, никогда не будет полной. Она не может простираться дальше определенных границ и кончается там, где начинается святая святых Замка. Как только правда достигает опасной глубины, становятся неизбежными перебои, искажения и деформации. И дело не только в жестких запретах, накладываемых на гласность Замком. Главное — это сознательные манипуляции ею, которые на совести как обитателей Замка, так и его «внештатных» рыцарей, руководствующихся пенкоснимательской идеологией.

Столетие назад, когда в России все перевернулось и заново стало укладываться и, казалось, проглянула гласность и заговорила устами публицистов, М. Салтыков-Щедрин в «Дневнике провинциала в Петербурге» уловил и очертил тип пенкоснимателя, вечно пребывающего в струе «замковой» гласности. Устав «Вольного Союза Пенкоснимателей» включал в себя три характерных пункта.

Во-первых, «не пропуская ни одного современного вопроса, обо всем рассуждать с таким расчетом, чтобы никогда ничего из сего не выходило». При этом Устав категорически возражает против исчерпывающего разъяснения этого пункта: «Странный вы человек, читатель! Как хотите вы, чтобы мы высказывались ясно, когда, с одной стороны, нам угрожает за это административная кара, а с другой стороны, мы и сами вполне ясных представлений о вещах не имеем?!» К чему эта откровенность и последовательность? Нельзя же столь определенно проявлять свое отношение к властям! А посему, «если мы положим руку на сердце, то оно скажет нам, что мы действительно истинно здравых понятий о вещах в своем ясно-постижении обладать не можем. Это так. Но чтобы за сие нас ожидала какая-то административная кара — это никогда! Это не есть в пределах возможности!» Можно пойти на *sacrificium intellectus* (пожертвовать своим разумом ради освященной властью веры). Но ставить это в вину администрации? Нет, это уж слишком!

Во-вторых, «по наружности иметь вид откровенный и даже смелый, внутренне же трепетать». На этом принципе зиждется сама природа «замковой» гласности. Ведь читатель хочет правды, чему препятствует цензура (прямая или косвенная). «Каким образом пройти между Харибдой и Сциллой? Каким образом, с одной стороны, не растерять подписчиков, а с другой — не навлечь на себя кару закона?» И нет иного средства ее практического решения, кроме этой пенкоснимательской заповеди.

Наконец, в-третьих, «усиливать откровенность и смелость по мере того, как предмет, о котором заведена речь, представляет меньшую опасность для вольного обсуждения. Так, например, по вопросу о ношении некоторыми городскими на виду блях надлежит действовать с такою настоятельностью, как бы имелось в виду получить за сие третье предостережение». Словом, на что-то надо израсходовать свой обличительный пыл, а заодно и поддержать публицистическое реноме, не опасное в цензурном отношении, зато придающее своему хозяину «вид бодрый и отчасти даже пронизательный». Естественно, все это следует делать с видом, достойным высоты поставленной цели, уповая на свою непреклонность, которую не довелось проявить по другим, не столь благоприятным для выступления вопросам.

К сожалению, этот пенкоснимательский дух теперь господствует, отчего М. Салтыков-Щедрин кажется не отдаленным предком нашим, а полноправным современником. Гласность, которую мы обрели с таким трудом, оказывается столь увертливой, что растворяется и улетучивается как раз в тех случаях, когда она нужнее всего. В сложных, неоднозначных ситуациях, которые возникают постоянно и повсеместно и требуют углубленной оценки, возможной лишь при получении абсолютно полной информации, вдруг обнаруживается острый дефицит этой самой гласности. Приостанавливается ее естественный поток, мелеют ее реки, и остается единственный тоненький ручеек официальной информации. Будучи рупором Замка, он призван навязать точку зрения властей всему населению «деревни» и убедить его в праведности их деяний.

Так может ли быть эта почти в открытую управляемая, «ручная» гласность фактором контроля? Она ведь рождается не из уклада жизни, а лишь преподносится «деревне» Замком как милостыня. И то, что он дает ей одной рукой, другой забирает обратно, как только усматривает в «чрезмерной» гласности покушение на свою власть. Создавая иллюзию свободного потока информации, «замковая» гласность потчует «деревню» тем, что приготовлено «глашатаями». Так незаметно из контрольного фактора гласность превращается в средство освящения бюрократических игр.

Выходит, все-таки нет управы на бюрократа? Нет, в это верится с трудом. По крайней мере — не хочется верить. К тому же не дает покоя старый вопрос: как же, обладая столь ничтожными атрибутами реальной власти, бюрократия подминает под себя административный аппарат? Конечно, вполне можно допустить, что она паразитирует на каких-либо объективных неувязках, принципиальных недостатках системы власти как таковой (независимо от ее конкретно-исторических форм). Но это же еще не означает полновластия бюрократии, абсолютной неувязкости и господства ее не только над рядовыми гражданами («деревней»), но и над чиновниками высшего ранга («родовитыми» обитателями Замка)!

Очевидно, что лидеры и менеджеры в первую очередь ответственны за кадры, которые их непосредственно окружают, и за уровень и качество работы этих кад-

ров. Если же бюрократия, формально находящаяся в подчинении у высшего чиновничества, безнаказанно злоупотребляет своим положением в аппарате власти и попирает как интересы народа, так и подчас интересы самого аппарата, то грош цена руководству. И все же это руководство покорно сносит бюрократические игры. Почему? Как получается, что бюрократия не испытывает от него особых неудобств?

Хитрость в том, что любое вмешательство Замка в ход тех или иных дел возможно опять-таки исключительно при участии самой бюрократии. Без нее Замок не просто как бы без «глаз» или «ушей», но и как бы без «рук», ибо тогда некому будет привести в движение рычаги власти, некому будет передать руководящую энергию конкретным адресатам. И как следствие — сами руководители и управляющие окажутся оторваны и от «деревни», и даже друг от друга. Вот и возникает парадоксальная ситуация, когда бюрократ выходит из повиновения и становится самостоятельной фигурой, да к тому же диктующей свою волю всей административной машине.

Высокопоставленные чиновники, предоставленные самим себе, не знают реальной ситуации, те же сведения, которые до них все-таки доходят, сильно искажены. Эти чиновники привыкли к трафаретному восприятию действительности, к фактам, уложенным в прокрустово ложе канцелярских формул. Оттого получаемая картина интерпретируется не как деформированный образ реальной ситуации, а как совсем другое положение вещей, имеющее с ней мало общего.

Это сильно напоминает диалог Голубки с Алисой из сказки Л. Кэрролла «Алиса в Стране чудес». Там Голубка наотрез отказывается верить в то, что Алиса, с которой произошли удивительные превращения, удлинившие ее шею, — обыкновенная девочка, и подкрепляет свою мысль характерными аргументами.

— Интересное дело! — с глубочайшим презрением сказала Голубка. — Я видела множество маленьких девочек, но ни у одной не было такой шеи. Нет, нет, ты змея, отрицать бесполезно. Ты еще мне скажи, что ты никогда не пробовала яиц!

— Яйца я пробовала, — ответила Алиса (она была правдивым ребенком), — но, если хочешь знать, девочки едят яйца ничуть не меньше, чем змеи.

— Не верю, — сказала Голубка. — А если даже это так, то, значит, они просто разнообразность змей. Вот и все!.

Голубка, которая никогда не видывала длинношеих девочек, но зато каждый день сталкивалась с длиннющими змеями, предпочла отнестись Алису скорее к необычным змеям, нежели к столь же необычным девочкам. А причина проста: змеи постоянно вертятся у нее в голове, тогда как к девочкам она в достаточной степени равнодушна. Так и наш чиновник. Он видит в доступной ему картине не то, что она изображает, хотя и в искаженном свете. В ней ему открывается образ той «реальности», которая созрела в чиновничьем мозгу. Так можно ли на этой основе принимать действенные решения?

Однако если даже по какой-то счастливой случайности в распоряжение такого чиновника поступит полная и исчерпывающая информация, то и тут ему не решить проблемы. Ведь он должен исходить не столько из нее, сколько из внутреннего «устава» Замка, той системы жестких предписаний и регламентаций, которая, в конце концов, и избавляет его от лишних хлопот. Между тем реальная жизнь имеет одну неприятную особенность — она не спешит согласоваться с бумажными «законами», а потому обрекает Замок на полное отчуждение от себя даже в тех случаях, когда тот хотел бы в нее вмешаться и кое-что поправить. Но все, что расходуется с его «уставом», представляет собой враждебную ему силу. Оно подлежит искоренению или, на худой конец, должно быть загнано внутрь, дабы не беспокоить напрасно власть предержавших. Вот почему высшее чиновничество, как правило, не заинтересовано в разоблачении бюрократии и, более того, всячески поддерживает ее манипуляцию действительностью, маскировку кричащих противоречий и создание иллюзорного мира, адекватного «замковой» идеологии.

Мало того, бюрократическая вакханалия попросту выгодна высшему чиновничеству. Оно не то что не может, но в еще большей мере не хочет ограничивать произвол бюрократии. Ведь только при таком произволе достигается пик спокойствия и довольства «жрецов» Замка. Они уже не нуждаются в умственном и физическом сверхнапряжении, чтобы доказать свою компетентность и профессиональную пригодность. В фантазмагорическом, зазеркальном мире-перевертыше, построенном бюрократией, все сливается воедино и снова расходится вопреки своей природе и законам действительного мира. «Деревня», помещенная в этот мир, пропитывается

его безумием и перестает различать пропасть между собой и Замком. И тогда, как говорит один из персонажей романа Ф. Кафки «Замок», «считается, что мы все принадлежим Замку, и никакой пропасти нет, и никаких мостов строить не надо». Немногие видят, что, «когда с этим столкнешься, все обстоит иначе». И бюрократии удастся играть роль своеобразного буфера, смягчающего и в конечном счете сводящего на нет удары «деревни», которые время от времени приходятся по Замку.

Круг, таким образом, замыкается. Вступает в силу закон бюрократической иерархии, открытый молодым К. Марксом. Низшие сферы управления полагаются во всем, что касается общего, на высшие, а те, наоборот, полностью доверяют низшим, когда речь идет о частностях. Вводя друг друга в полное и абсолютное заблуждение, они создают естественный для себя модус жизни.

От кроны к корням

— Вы держите книжку вверх ногами,— вешала Алиса.

Л. Кэрролл. Алиса в Зазеркалье

Но это не просто заблуждение. Оно имеет большую корыстную начинку. Перефразируя слова Вольтера, можно сказать, что, если бы этого заблуждения не было, Замку стоило его выдумать. Ведь именно благодаря ему чиновничеству удается пребывать в безмятежности и отгородиться от «деревни» бумажными осколками зазеркального мира. Эту стену невозможно пробить ни фактами, ни конфликтами, ни чрезвычайными обстоятельствами. Нет, реакция на них может последовать, но она предзадана «уставом» Замка. В явлениях жизни будет усмотрено лишь то, что предписывается «замковой» идеологией, что в них должно быть. Всякое же иное подлежит отсечению, дабы не ставить под сомнение всеохватность аппаратного промысла. Это и есть болезнь административной машины, прозванная бюрократизмом.

Болезнь эта, к сожалению, весьма распространена. Но она мало где пустила такие корни, как у нас. Обычно подмечают ее внешние, чисто формальные признаки — волокиту, канцелярщину, проволоочки... Однако это лишь верхушка айсберга, а основание его уходит далеко в глубь аппарата власти.

Что же такое бюрократизм?

Это особый, специфический недуг управления, связанный с деформацией его иерархической организации. При нем распадаются естественные связи между различными административными звеньями, размываются их границы, и эти звенья, по существу, превращаются в сплошную однородную массу с почти неотличимыми функциями. Лидеры и управляющие, лишённые возможности, а затем и желания влиять на реальные процессы, постепенно становятся рядовыми бюрократами, фактически не принимают решений — по крайней мере таких, что претворимы в жизнь. И бумажный поток — универсальный рабочий интерьер бюрократии — затягивает и пожирает высшее чиновничество:

Пред
 в бумагу
 всосался, как клещ...
Среда —
Это
 паршивая вещь!!
Глядел,
 лицом
 белее мела,
Сквозь канцелярский мрак.
Катился пот,
 перо скрипело,
Рука свелась
 и вновь корпела.
Но без конца
 громадой белой
Росла
 гора бумаг.

Конечно, внутри аппарата власти сохраняются формальные атрибуты должностных лиц разного ранга, и бюрократа все-таки можно отличить (хотя и далеко не всегда) от менеджера или тем более лидера. Но что касается существа дела — содержания выполняемых функций, то грани между ними все больше стираются, и прежде всего за счет бюрократизации высокопоставленных чиновников.

Это явление не минуло и высшие эшелоны власти. Там оно раскрылось даже более ярко.

На память приходит показательный случай, рассказанный в «Известиях» журналистом А. Сахниним. Ему довелось присутствовать на Секретариате ЦК КПСС, когда там рассматривалось дело Соляника — Генерального капитана-директора одесской китобойной флотилии. Состав участников обсуждения был весьма представительным: Подгорный, Суслов, Шелепин, Демичев, Андропов, Пономарев, Кулаков, Устинов, Рудаков. А председательствовал сам Брежнев. Ситуация с Соляником вроде бы не содержала никаких «подводных камней». Речь шла об обычном зарвавшемся начальнике, который по костям подчиненных шествовал к своим отнюдь не благородным целям и, пользуясь поддержкой партийного чиновничества (от областного уровня до центрального), безнаказанно претерпел закон. Но его взяла на крючок «Комсомольская правда», и поднятый шум оказался настолько силен, что эхом прокатился по инстанциям, дойдя до ЦК КПСС. Казалось, теперь-то уж все встанет на свои места. Не тут-то было!

Но не это главное. Вероятно, у А. Сахнина вызвало чувство, близкое к шоку, поведение Брежнева, который всячески пытался смягчить вину Соляника и чуть ли не извинялся перед ним за то, что приходится вести такой разговор. Стало ясно, что Брежнев несамостоятелен, он вынужден держать эту линию, поскольку фактически не имеет своей позиции. И если, глядя на Подгорного, Брежнев перечислял заслуги «оступившегося» капитана, то, перехватывая взгляд Шелепина, говорил о преступлениях, почему-то называя их ошибками. Причем его нисколько не смущала ни откровенная ложь, которой Соляник отвечал на почти дружеские советы Брежнева, ни явная тенденциозность, проявленная приглашенным руководством Одесского обкома партии. Ничего удивительного! Это был всего лишь ритуал. Что же касается решения, то оно было принято до обсуждения и, конечно же, совершенно независимо от него. Ведь именно внешняя реальность должна согласоваться с бюрократическим миром, а не наоборот.

Вердикт, венчавший это замечательное собрание, оказался достоин его хода. Сославшись на нелегкость принятия решения, Брежнев позволил себе не согласиться с выводом Одесского обкома о возможности дальнейшего пребывания Соляника на своем посту. Основание — самое веское, на которое только способен аппарат: «Народ нас не поймет!» Стало быть, дело не в самом Солянике или его поступках, а в том, как они преломляются сквозь призму общественного мнения. И если бы, скажем, удалось их скрыть от народа или же растолковать ему, что в действительности они не так уж и плохи, то отчего бы Солянику опять не лечь на курс? И заключительный аккорд — слова Брежнева о том, что Соляник ни дня не должен оставаться без работы, — стал поистине апофеозом высочайшего бюрократизма.

Вместе с тем бюрократизация руководства означает по крайней мере частичную утрату им власти. А поскольку, как известно, если чего-то где-то вдруг убудет, то того же в другом месте и присовокупится, надо думать, что эта власть не пропадает бесследно. Она подхватывается собственно бюрократией, которая только выигрывает от такой организации административной машины. Находясь у самых истоков управленческой информации, бюрократия получает дополнительные козыри, которые связывают ее с высшим чиновничеством отношениями круговой поруки. Иначе говоря, власть равномерно распределяется среди всех обитателей Замка, и столь же равномерно с них снимается всякая ответственность. Так власть перестает существовать как некое целое, а превращается в сумму разрозненных осколков.

Ирония судьбы! Изю всех сил стремилась бюрократия дотянуться до кормила власти, и в тот момент, когда мечта, казалось бы, сбылась, выяснилось, что в этой яви больше обманчивой видимости, нежели подлинного могущества. Что можно сделать с такой властью, которая теперь одна на всех — от последнего бюрократа до первого лидера? В качестве корыстного инструмента — средства достижения эгоистических целей — она еще может послужить, но если дело касается серьезных общественных сдвигов, то тут она бесполезна. Почти утеряна конструктивная составляющая власти, а вместе с ней и нити влияния на судьбу «деревни». Даже сам Замок выходит из повиновения, и максимум, чего можно от него добиться, это поддерживать статус-кво: героически сопротивляясь всем ветрам истории и отчаянно цепляясь за свои кресла и привилегии, оставаться на плаву и сохранять дистанцию между собой и «деревней».

Романтически настроенный бюрократ, пожалуй, разочарован этим. Он-то шел к великим делам, хотел приобщиться к таинству воплощения сокровенных идеалов. А что

получил? Презренное благополучие? Стадное ощущение превосходства над теми, кто не вошел в круг избранных? Но ведь этого мало. Свет высочайших звезд по-прежнему манит его. Если же их нет, то к чему все труды и старания?

Эти мотивы звучат и в мудрой сказке Ф. Искандера «Кролики и удавы». Некий кролик по имени Находчивый, который, как и другие кролики, всю жизнь грезил о Цветной капусте, решил почему-то, что видеть ее — это удел лишь Допущенных к Столу. И, чтобы исполнить свою заветную мечту — хотя бы одним глазком взглянуть на Цветную капусту, — Находчивый стал всеми правдами и неправдами добиваться «допущения». Но, хотя это и удалось ему, выяснилось, что цель низколами не приблизилась. Тогда он рискнул напрямую спросить Короля о Цветной капусте, предполагая, что есть Сверхдопущение к Столику. Каково же было удивление Находчивого, когда Король признался, что Цветной капусты не существует в природе, и пожаловался ему на то, как тяжело быть обреченным на это горькое знание! «Но если нет Сверхдопущения к Столику, то и мне не к чему стремиться! — воскликнул Находчивый, через свое разочарование поняв печаль Короля, — как это грустно!» Однако оказалось, что смысл жизни отнюдь не утерян, он просто стал другим. «Это у тебя пройдет, — сказал Король уверенно, — со временем стремление удержаться за Столом делается единственным неутолимым стремлением Допущенных к Столу». Так что стимулов хватает — теперь-то как раз и можно лишиться того, что уже приобретено.

В самом деле, стоит ли так убиваться из-за того, что власть раздроблена и не способна послужить «деревне»? Зато население Замка в полном порядке. Высшее чиновничество довольно тем, что его труд стал, по сути, синекурой, а бюрократия приобщилась к власти со всеми вытекающими отсюда последствиями. В конце концов пусть будет с «деревней» то, что будет! Не перетрахивать же из-за нее Замок! Это грозит нарушением равновесия — едва-едва обретенного баланса интересов. Что же касается призывов самому Замку приспособиться к жизни, то они просто абсурдны и абсолютно неприемлемы для Замка, ибо равносильны для него самоубийству. Замок готов пойти на что угодно, на любые жертвы (естественно, за счет «деревни»), на ложь и полуправду, откровенные фальсификации, просьбы и увещевания, угрозы и насилие, но никогда — на решение больших проблем.

Силы Замка тают, но их по-прежнему хватает, чтобы держать на привязи «деревню». Абсолютная неспособность к положительным действиям компенсируется грубым произволом, когда, фигурально выражаясь, головы летят только за то, что едва приподнялись над нивелирующей планкой. Можно попирать интересы масс, но оказывать помощь конкретному человеку?.. Что это, как не бесцеремонное вмешательство в естественный ход событий? Морально унижить и растоптать человека и даже целый народ правомочен любой обитатель Замка, но подать руку и вернуть ему доброе имя? Разве это дело отдельного «жреца»? Лишь Замок в полном составе может принять такое решение. Да и то — может ли?..

Совсем как у Ф. Кафки. В его «Замке» блюстители «высших интересов» тоже обеспокоены этим. «Конечно, там вникают во все, но нельзя же грубо вмешиваться в ход жизни с единственной целью — соблюдать интересы одного человека». Что же касается его судьбы, то «разве один чиновник может простить? В крайнем случае это дело всего руководства, но даже и оно не может прощать, а может только осуждать». Вот пафос «коллегиального управления», в котором все обезличено, и его участники лишаются не только лица, но и масок. Это полное слияние душ: единомыслие, единогласие, единодействие.

Так грешна ли бюрократия? Конечно, грешна. Кто больше нее погрел руки на бюрократизме?.. Кому выгоднее всего коррозия аппарата власти, превращающая ее в корпоративную вотчину?.. Бюрократия совершила прыжок с подножия Замка на его верхушку, кое-где даже оттеснив «коронованных лиц» ближе к шпилью — на место видное, но бесполезное. И если бюрократия не сумела стать в Замке единоличной владычицей, то уж во всяком случае стала равной среди равных.

Но что корить бюрократию? Она ведь руководствовалась своим, хотя и узкокорыстным, но вполне реальным интересом. Куда грешнее высшее чиновничество, давшее ей полную свободу действий. Стремясь к еще большей эксплуатации бюрократии, паразитируя на ее усилиях, оно практически выпустило из рук бразды правления. Свято место пусто не бывает, и к ним тотчас же пристроилась великая бюрократическая армия.

Впрочем, и у высшего чиновничества был свой интерес — пошлый, ленивый, позорный, но все-таки был! А если учесть, что с каждым новым поколением ему все труднее давалась наука управления, то возможность избавиться от этой тяжелой функции казалась

почти счастьем. Как же осуждать незадачливого чиновника, возведенного волею судьбы в «жреческий сан» и спасающего таким образом не только свою репутацию (да он о ней никогда особенно и не заботился), но — главное — синекуру, источник жизни?..

И опять все упирается в старый вопрос: за что же постигла нас такая кара — эта всеобщая деградация власти? Как же случилось, что тот, кто имел власть, не мог ею распоряжаться, а тот, кто это делал, не имел на нее никакого права? Откуда пошли ужасные метастазы, поразившие не только «деревню», но и Замок? Что за чудовище душит в своих объятиях наше общество? Это чудовище — тоталитаризм. Стремясь распыть человеческие индивидуальности на кресте придуманных бездушных идолов, он едва не утопил нас в свирепом «светлом будущем». Было ли бы это ему под силу, если бы он не облачился в мощные доспехи Замка? Можно ли обуздать общество, демократически устраивая власть и отдавая ее в руки народных избранников? Нет, тоталитарному Замку нужно безличное и безликое воинство. Здесь умения, знания и навыки ничего не стоят, если они не помножены на преданность и повиновение. Кто бы ни попал в орбиту Замка, непременно присваивается им, становясь его органическим телом.

В Замке нет и не может быть никакой независимости — ни на нижних этажах, ни на верхних. Если и нет над тобой человеческой воли, то все равно ты должен быть во власти его химер. И дело не только и даже не столько в подлости бюрократии и низости высшего чиновничества, сколько в самой природе тоталитарного Замка. В его жерновах, усредняющих «жрецов», нивелирующих их уровень и функции. Бюрократизм не внеположен Замку, а является его образом жизни.

А бюрократизм — обратная сторона тоталитаризма. С чего бы ни начинал тоталитаризм, он неизбежно вырождается в бюрократизм. Этому можно способствовать или препятствовать, но нельзя остановить сам процесс, а тем более направить его в другое русло. Как все дороги ведут в Рим, так все пути эволюции тоталитарной власти приводят к абсолютному, всеобъемлющему бюрократизму.

* * *

— Разве отсюда есть мораль? — осмелилась усомниться Алиса.

— Полно, дитя! — сказала Ее Высочество. — Отовсюду есть мораль, надо только уметь ее извлекать.

Л. Кэрролл. Алиса в Стране чудес

Так как же бороться с бюрократизмом, находясь во власти Замка? Не похоже ли это на сражение с ветряными мельницами? Ведь бюрократическая крона, пышно раскинувшаяся вокруг Замка, питается соками, поступающими от тоталитарных корней. Мы оципываем крону, но даже если вовсе отсечем ее, то многого ли добьемся? Корни-то останутся невредимы и дадут новые побеги, которые будут отличаться от прежних лишь лучшей мимикрией — и не разглядишь, от каких они корней. А потому если мы хотим справиться с бюрократизмом, то бороться должны не столько с ним, сколько с тоталитарной властью.

Наследие тоталитаризма — это зияющие раны «деревни» и «смирительная рубашка» Замка. Мы бы и рады отказаться от такого наследия, да оно преследует нас по пятам. И чем больше торжествует Замок, тем сильнее кровоточат раны.

Как своживить эти раны и поднять «деревню» с колен? Можно ли еще вдохнуть в нее свободную душу, или проклятье Замка пристало к нам навеки? Хочется верить в лучшее... Но ясно одно: чтобы возродить «деревню», надо разорвать пуповину, которой прирос к ней Замок. Нужно наконец оставить мысль о перекройке Замка и начать устраивать свою «деревенскую» власть. Таковую, чтобы не нависала над нами дамкловым мечом, а пребывала с нами, в нас и для нас.

К чему эти страсти по Замку? Уже развеян его величественный ореол. Началось постижение извечной мудрости... Самое мимолетное впечатление дороже всех «привидений» Замка. Внушенное им эфемерное счастье не стоит ничтожного порыва души. Разве Замок наполняет жизнь смыслом? Нет, он пожирает этот смысл.

Как тут не вспомнить о глубоком открытии, сделанном В. Розановым в его «Уединенном». «Народы,— возвестил он,— хотите ли, я вам скажу громовую истину, какой вам не говорил ни один из пророков...

— Ну? Ну? Хх...

— Это — что частная жизнь выше всего.

— Хе-хе-хе!.. Ха-ха-ха!.. Ха-ха!..

— Да, да! Никто этого не говорил: я — первый... Просто сидеть дома и хотя бы ковырять в носу и смотреть на закат солнца.

— Ха, ха, ха...

— Ей-ей: это — общее религии... Все религии пройдут, а это останется: просто — сидеть на стуле и смотреть вдаль».

Это высшее предназначение человека, но оно несовместимо с Замком. Человек приходит в мир, чтобы сверкнуть на небосклоне кометой своего «я» и навеки угаснуть. А Замок хочет обуздать эту комету, сделать ее своей управляемой ракетой или даже снарядом для сбивания плодов с райской яблони. И тут уж нет места для отдельного «я»...

А как с гарантиями? Удастся ли сбросить с «деревни» ярмо Замка, да так, чтобы она сумела без него прожить? Какие гарантии! Их не бывает на исторических пере-
путьях. Есть шанс — вернуться к цивилизации.

Используем ли мы его?

Г. ДОНСКОЙ
г. Калинин

ВЫШЛИ В СВЕТ

Зуев К. А. Компьютер и общество. — М.: Политиздат, 1990. — 315 с.

Жабницкая Л. Г. Психодиагностика для учителя. — Кишинев: Лумина, 1990. — 126 с.

Каримова О. А. Советское право: Метод. пособие для учителей. — Ташкент: Укитувчи, 1990. — 96 с.

Логика и теория познания: Межвуз. сб. / Под ред. О. Ф. Серебрянникова. Я. А. Слинкина. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. — 223 с.

Марченко Т. А. Потребность как социальное явление. — М.: Высш. шк., 1990. — 128 с.

Парфенов И. Д. Основы исторической библиографии. — М.: Высш. шк., 1990. — 111 с.

Практикум по экспериментальной и прикладной психологии / Под ред. А. А. Крылова. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. — 272 с.

Речь. Речь. Речь: Кн. для учителя / Под ред. Т. А. Ладыженской. — М.: Педагогика, 1990. — 336 с., ил.

Салахов М. Н. Высшее образование в Азербайджане: история, проблемы, перспективы. — Баку: Азернешр, 1990. — 288 с.

Сержантов В. Ф. Человек, его природа и смысл бытия. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. — 360 с.